

Федин Сергей Альбертович

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ С ДРУГИМИ ЗВЕНЬЯМИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО СССР (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ)**

В статье раскрываются основные проблемы, стоявшие перед судебными органами Нижнего Поволжья в послевоенный период. В первую очередь, это противоречия во взаимоотношениях судов с другими звеньями правоохранительной системы в условиях ужесточения карательной политики советского государства. Статья содержит архивные материалы из ранее закрытых фондов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/44.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 164-168. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594: Фонд Саратовского областного комитета КПСС. Оп. 1.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 461: Фонд исполнительного комитета Саратовского городского Совета трудящихся. Оп. 4.
3. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 9: Фонд Астраханского городского комитета КПСС. Оп. 1.
4. ГАСД АО. Ф. 17: Фонд Микояновского районного комитета ВКП(б) г. Астрахани. Оп. 1.
5. ГАСД АО. Ф. 796: Фонд политического отдела пароходства «Волготанкер». Оп. 1.
6. ГАСД АО. Ф. 2086: Личный фонд Усачева П. И. Оп. 1.
7. ГАСД АО. Ф. 2949: Фонд первичной партийной организации Астраханского производственного объединения. Оп. 1.
8. ГАСД АО. Ф. 3379: Фонд первичной партийной организации судостроительной верфи им. Кирова. Оп. 1.
9. Лившин А. Я. Настроение и политические эмоции в Советской России 1917-1932 гг. М., 2010.
10. Осокина Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия». М., 1999.
11. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

LOW VOLGA REGION TOWNSPEOPLE'S POLITICAL BEHAVIOR FORMS UNDER THE CONDITIONS OF PROVISION CRISIS IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

Aleksei Olegovich Tyurin, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Astrakhan' State University
tualol1977@yahoo.com

The author analyzes the estimations of provision crisis reasons, the suggestions on its overcoming and townspeople's attitude to authorities' actions in everyday life on the basis of the letters and public addresses texts from the archives and considers townspeople's political behavior forms under the conditions of provision crisis in 1936-1940.

Key words and phrases: everyday life; townspeople; population provision; authorities; soviet province; Low Volga region.

УДК 347.99(470.46)«1945/...»

В статье раскрываются основные проблемы, стоявшие перед судебными органами Нижнего Поволжья в послевоенный период. В первую очередь, это противоречия во взаимоотношениях судов с другими звеньями правоохранительной системы в условиях ужесточения карательной политики советского государства. Статья содержит архивные материалы из ранее закрытых фондов.

Ключевые слова и фразы: карательная политика; «мягкие» приговоры; «либерализм» по отношению к преступникам.

Сергей Альбертович Федин, к.и.н.

Кафедра общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Международный юридический институт (филиал) в г. Астрахани
fedserg62@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ С ДРУГИМИ ЗВЕНЬЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО СССР (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)[©]

Широкое реформирование правоохранительной системы, происходящее в настоящее время, объективно способствует повышению интереса к проблеме применения властью силовых мер с целью быстрой и эффективной борьбы с преступностью. Для успешного осуществления этой задачи необходимо учитывать исторический опыт, поэтому изучение истории деятельности местных органов правопорядка, в частности судебных органов, является актуальным и в научном, и в практическом плане. Наиболее важным в изучении судебной системы является исследование не столько «громких» процессов, сколько опыта каждодневного решения острых проблем, особенно в переломные этапы отечественной истории.

В последнее десятилетие вырос интерес исследователей к деятельности судебной системы СССР в 1930-1950-е годы [4; 13]. Этой проблеме посвящена и серия статей А. С. Смыкалина [15; 16; 17]. История судов, особенно региональных, привлекает к себе большое внимание историков и юристов. Среди публикаций можно отметить работу А. П. Абрамовского по истории Челябинского областного суда [1], книгу В. М. Вдовенкова о

судебной власти в Хабаровском крае [2]. В 2004 г. вышла монография Л. А. Павловой, посвященная региональным судам, располагавшимся в разное время в Свердловске [14] и др.

В статье рассматривается судопроизводство Нижнего Поволжья. В ней использованы архивные документы из ранее закрытых фондов, что позволило автору наиболее объективно показать деятельность правоохранительных органов в 1945-1953 гг.

В послевоенный период СССР по-прежнему являлся тоталитарным государством. Суды Нижнего Поволжья, как и во всей стране, столкнулись с грузом тяжелейших проблем. В условиях нарастания уголовной преступности основная проблема судов заключалась в том, что они вынуждены были выполнять несвойственную им функцию карательного органа, в связи с чем возникали острые конфликты с другими звеньями правоохранительной системы.

Одним из существенных недостатков в работе судов Астраханской области, по мнению чиновников контролирующих органов (областного управления министерства юстиции и обкома ВКП(б)), являлось то обстоятельство, что народные суды слабо карали преступников, выносили «либеральные» приговоры за общественно опасные преступления: бандитизм, хищения социалистической собственности и т.п. В 1945 г. только 56% осужденных этой категории были приговорены к лишению свободы, а 44% – к прочим мерам наказания (условное осуждение, штрафы, исправительно-трудовые работы и пр.) [9, д. 68, л. 18-20]. Критиковали суды также за большое число оправдательных приговоров: по общеуголовным делам в 1945 г. оправдано 614 человек и прекращено дел на 905 человек. Например, народный суд Камызякского района приговорил к условному наказанию заведующего магазином Верхне-Калиновского рыбокооп. Таимова, присвоившего продуктов на сумму 7415 рублей и 2265 рублей наличных средств; народный суд 3 участка Микояновского района г. Астрахани освободил от отбывания наказания растратчика Еськина, присвоившего 17782 рубля государственных средств. В этом же суде осуждена условно Пряничникова, занимавшаяся массовой фальсификацией хлебных талонов.

Следуя общей тенденции ужесточения карательных мер, отдельные народные суды допускали необоснованные осуждения. Например, народный суд Лиманского района осудил колхозниц Кулешову и Николаеву к 1 году исправительно-трудовых работ за то, что они сорвали на колхозном поле 6 початков кукурузы. Народный суд Травинского района осудил колхозника Жасува за хищение 600 гр зерна к 1 году лишения свободы.

Областной суд вынужден был исправлять подобные перегибы в практике народных судов. Так, областным судом в 1945 году прекращены дела на 148 человек, необоснованно осужденных народными судами. Грубейшие нарушения законов народными судами привели к тому, что 29,2% приговоров и 49,6% решений были отменены областным судом, а у отдельных народных судей отмена достигла 75-80% [Там же, д. 18, л. 188].

В послевоенный период государство проводило политику ужесточения карательных мер. В это втягивались все правоохранительные органы. И суды не были исключением. И все же главным упущением в работе судов контролирующие органы признавали «мягкие» приговоры.

Указания на вынесение более строгих наказаний лицам, привлеченным за экономические преступления, отражались в директивах и приказах Министерства юстиции: от 31 июля 1945 г. «Об усилении борьбы с расхищением, разбазариванием и порчей хлеба»; от 25 июня 1946 г. «Об усилении борьбы с хищениями, растратами и недостачами»; от 13 августа 1946 г. «О необоснованном применении мягких мер наказания за спекуляцию» и многие другие. В этих документах судей обвиняли в том, что по перечисленным составам преступлений они снижали сроки наказания, необоснованно переквалифицировали преступления на более «мягкие» статьи, применяли ст. 51 и 53 УК, выносили оправдательные приговоры и т.д.

Местные подразделения юстиции, выполняя директивы Совета министров СССР, заставляли подведомственные им суды постоянно ужесточать карательную практику, особое внимание предписывалось уделять экономическим делам. Установка руководства страны и органов юстиции на уничтожение преступности исключительно карательными методами требовала применения мер наказания, связанных с длительными сроками лишения свободы.

Давление на суд оказывали не только управления министерства юстиции в регионах, но, пожалуй, гораздо большее – партийные органы на местах. Следуя указаниям обкома ВКП(б) [Там же, д. 68, л. 23], Астраханский областной суд крайне ужесточил карательную практику. Уже в 1 полугодии 1946 г. из 98 осужденных 5 человек было приговорено к расстрелу, 90 человек к лишению свободы (из них 70 — к длительным срокам) и только 3 человека к прочим мерам наказания [Там же, д. 81, л. 17].

Указы от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» [3] стали основным фундаментом карательной политики судов. Уже в конце 1947 года были подведены первые итоги применения данных Указов. Так, в «Обобщении судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г. с июля по 15 декабря 1947 г.» отмечалось, что 80% приговоренных осуждены на 10 лет лишения свободы и выше. Например, К. Калгина осуждена на 15 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) за то, что, работая заведующей магазином № 18 Горторга, растратила государственных средств на сумму 56173 рубля.

Как правило, кроме основной меры наказания, к осужденным применялось поражение в правах и (или) конфискация имущества. Например, Е. Цапкова была осуждена на 10 лет заключения в ИТЛ с поражением в правах за то, что в июле 1947 г., во время уборочной кампании, систематически занималась хищением колхозного зерна. Всего ею было похищено 57 кг пшеницы, 85 кг ржи [7, д. 3, л. 70].

Несмотря на то, что подавляющее большинство преступников были приговорены к длительным срокам лишения свободы, вывод, сделанный в данном «Обобщении...», выражал явное недовольство результатами сложившейся практики: «Карательная политика в пределах санкции Указов, однако основной срок у нас 10 лет заключения в ИТЛ. Чувствуется нерешительность дать к расхитителям государственной собственности меру наказания более суровую. Необходимо усилить карательную политику» [Там же].

Но «нерешительность» скоро прошла, и в 1948-1950-х гг. обычной стала практика осуждения на длительные сроки лишения свободы людей за мелкие хищения и кражи. До июня 1947 г. за подобные преступления либо наказывались исправительно-трудовыми работами или условным сроком, либо дела прекращались за малозначительностью. Например, нарсулом 1 участка Микояновского района на 10 лет лишения свободы 06.07.1949 г. осужден шофер Астраханского консервного завода «Главконсерв» Филатов за то, что 18.06.1949 г. похитил две бутылки с томатом [11, д. 26, л. 44]. На 10 лет лишения свободы народным судом Трусовского района 25.11.1948 г. осужден помощник мастера рыбозавода «Молодежный» Кермасцев, которого 18.10.1948 г. задержали с похищенной рыбой весом 3 кг [Там же, д. 15, л. 68].

Вместе с тем, Указы от 4 июня 1947 г. позволяли применять длительные сроки наказания за крупные преступления. Например, на 25 лет лишения свободы судебной коллегией по уголовным делам Астраханского областного суда 20.09.1949 г. осужден директор Мумринской МРС Баранов, который незаконно получил 33403 рублей за организацию выписки фиктивных нарядов на работы [Там же, д. 26, л. 44-45]. Л. И. Инночкина, кассир ремесленного училища № 6, с бухгалтером училища присвоила 68138 рублей государственных средств, за что 06.01.1949 г. осуждена судебной коллегией Астраханского областного суда на 20 лет лишения свободы [Там же, д. 22, л. 107].

Изучение архивных источников позволяет сделать вывод: далеко не все судьи Нижнего Поволжья стремились слепо выполнять указания об ужесточении ответственности. Одним из способов смягчения карательной политики являлось применение судьями статей 51 и 53 Уголовного кодекса РСФСР. Это становилось возможным в тех случаях, когда подсудимый имел положительную производственно-бытовую характеристику, был престарелым человеком или подростком. Семейное положение также могло приниматься во внимание, например, в тех случаях, когда под судом оказывались матери-одиночки и лица, имевшие на иждивении престарелых родителей или нескольких малолетних детей. Имело значение и состояние здоровья: тяжелая болезнь или инвалидность.

Вышестоящие судебные инстанции требовали от народных судей применять статьи 51 и (или) 53 УК в редких, исключительных случаях, особенно по делам о корыстных преступлениях. Характерным, на наш взгляд, примером необоснованного применения статьи 51 УК являлось дело гражданина Кирокосьянц. Н. М. Кирокосьянц был осужден народным судом 2 участка Микояновского района по ст. 99 УК на один год лишения свободы с конфискацией имущества за то, что занимался запрещенным видом промысла — выделкой чувяк (кожаных тапочек) из купленного кожсырья и сбывал их на рынке. Определением областного суда приговор в отношении Кирокосьянц признан правильным и соответствовавшим материалам дела. Не согласившись с приговором, адвокат осужденного Молодцов в жалобе указал, что Кирокосьянц болен, поэтому судебная коллегия нашла возможным, учитывая его болезнь, применить к нему ст. 51 УК и приговор в отношении Кирокосьянц заменить с 1 года лишения свободы на 1 год исправительно-трудовых работ по месту работы с вычетом 25% заработка. Однако это определение не было принято единодушно. По мнению одной из судей, оснований для применения ст. 51 и смягчения наказания у коллегии не было, т.к. материалы о болезни Кирокосьянц в деле отсутствовали. Во время последовавшего разбирательства этого дела выяснилось, что информация о болезни Кирокосьянц была принята судьями лишь со слов адвоката Молодцова.

Верховный суд определение областного суда в отношении Кирокосьянц отменил за неосновательностью снижения наказания осужденному, поскольку ссылка на болезнь Кирокосьянц данными дела не подтверждена [6, д. 10, л. 7-10, 32-34].

Этот пример — яркая демонстрация необоснованного применения судьями ст. 51 УК, когда решение было принято лишь на основе слов адвоката. Подобные дела давали повод и возможность контролирующим органам обвинить судей в корыстных мотивах при принятии решения о снижении наказания обвиняемому.

Как правило, обращалось особое внимание на дела с оправдательными приговорами и переквалификацией состава преступления с Закона от 7 августа 1932 г. и Указов от 4 июня 1947 г. на статьи Уголовного кодекса. В этих вопросах бдительность проявлял Верховный суд РСФСР. Он рассматривал дела в порядке надзора и отменял приговоры народных судов «за мягкостью». Например, преступления, совершенные Лейнертом, Чечиным, Злобиным, областной суд переквалифицировал с Закона от 7 августа 1932 г. на ст. 109 УК. Верховный суд отменил «мягкий» приговор и при новом рассмотрении они были приговорены к следующим срокам: Чечин — вместо 5 к 10 годам лишения свободы; Лейнерт — вместо 2 к 8 годам лишения свободы; Злобин — вместо одного года исправительно-трудовых работ к 3 годам лишения свободы [11, д. 33, л. 79, 101].

В 1948 году в Верховный суд было обжаловано приговоров на 276 человек, рассмотренных областными судами в первой инстанции. Из них оставлено в силе 83% приговоров. Таким образом, 17% приговоров были изменены или отменены [Там же, л. 97].

По второй инстанции областными судами рассмотрено 2443 дела на 2989 человек. В результате в отношении 233 подсудимых (7,8%) были прекращены дела, отменены и изменены приговоры. Кроме того, направлено на доследование, отменено со стадии предварительного или судебного следствия дел в отношении 624 человек (20,9%) [Там же, л. 106].

Однако в начале 1950-х годов Верховный суд РСФСР несколько смягчил свою политику, в частности, в отношении применения статей 51 и 53 УК. Так, в порядке надзора Верховный суд в первом квартале 1951 г.

снизил меру наказания, применив статьи 51 и 53 УК к 7 осужденным народными судами Астраханской области, а в одном случае снизил сумму взыскания причиненного ущерба [6, д. 10, л. 53]. В четвертом квартале 1951 г. Верховный суд в 35% случаев изменил приговоры, применив статьи 51 и 53 [Там же, д. 11, л. 18].

В послевоенный период работу судов усложняли и нараставшие противоречия с другими звеньями правоприменительной системы. Наиболее острые конфликты (особенно на районном уровне) наблюдались между судом и прокуратурой. Камнем преткновения здесь также были мягкие и оправдательные приговоры, выносимые судьями. Каждое оправдание, каждое применение условного наказания, назначение наказания более мягкого, по сравнению с требованиями прокуроров, они воспринимали как удар по правосудию и собственному авторитету. Практически на всех совместных совещаниях судебно-прокурорских работников вспыхивали резкие дискуссии по вопросам карательной политики.

Прокуроры обвиняли судей в неоправданном либерализме, вынесении мягких приговоров из-за незнания судьями законов, их неграмотности и т.д. Например, в деле бывшей заведующей буфетом Икрянинского рыбокоопта Гладченко, которая совершила растрату в 25587 рублей и с целью сокрытия своей растраты ночью подожгла буфет ресторана. Прокуратура усмотрела то обстоятельство, что судом не был принят во внимание «политический смысл» Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Это проявилось в том, что назначение народным судом наказания в 10 лет в отношении Гладченко не отвечало требованиям Указа от 4 июня 1947 г. Ведь за растрату 25000 рублей применяли наказание сроком в 10 лет по ст. 116 УК до издания Указа. Подчеркивалось, что Указ этот издан для «усиления борьбы с растратами и хищениями социалистической собственности» [8, д. 5, л. 35].

В борьбе с «либерализмом» судей, прокуратура использовала свои надзорные права. В обязанности прокуроров входило вынесение протестов в вышестоящие инстанции на незаконные и необоснованные приговоры судей. Они должны были это делать как в случае незаконных оправдательных, так и незаконных обвинительных приговоров. Однако на практике этим своим правом прокуратура, в основном, пользовалась для противодействия судебной «мягкотелости». Например, в первом полугодии 1946 года областной прокуратурой было опротестовано 184 приговора областного суда по первой инстанции, из которых удовлетворено 108 [7, д. 3, л. 17]. За 1948 г. областной суд рассмотрел 13,1% дел второй инстанцией по протестам прокуратуры [Там же, д. 8, л. 20].

Судьи, в свою очередь, отвечали на упреки обвинениями следственных органов прокуратуры в низком качестве работы следователей, неумении собирать доказательства и оформлять элементарные процессуальные действия. Только за первое полугодие 1949 г. вследствие низкого качества расследования судами Астраханской области отменено предварительным следствием, в судебном заседании и прекращено 31,3% дел [8, д. 5, л. 19].

Суды отмечали поверхностное расследование уголовных дел, неполноту доказательного материала и возвращали дела на доследование. Так, на совместном совещании областной прокуратуры, областного суда и областного управления милиции в 1953 г. в подтверждение низкого качества работы следствия приводились следующие примеры: следователь прокуратуры Ленинского района Веденеева, получив из органов милиции уголовное дело по обвинению Масанина и Мирошникова, ограничилась формальным выполнением требований ст. 109 УПК, в то время как по делу не только не было собрано достаточных доказательств хищений Масаниным и Мирошниковым 1000 кг каустической соды, но и не было даже установлено, имел ли место сам факт хищения. Доводы обвиняемых, выдвинутые ими в свое оправдание, не были проверены. Народным судом это дело было возвращено на доследование для установления факта хищения и лиц, его совершивших. Аналогичные факты имели место и прокуратурах Сталинского и Микояновского районах [5, д. 16, л. 21].

Сравнительный анализ источников показывает, что серьезное недовольство деятельностью народных судов высказывали и органы милиции. Областные и районные аппараты милиции обвиняли представителей судебной системы в «либерализме», нежелании прислушиваться к мнению органов МВД. Отмечались недостатки в работе судов по делам, расследуемым милицией, особенно о хищении социалистической собственности. Можно привести несколько примеров. Так, дело, которое возбудило и расследовало областное управление милиции по обвинению Бареева в хищении картофеля, было рассмотрено судом 2 участка Ленинского района. Суд возвратил дело к доследованию. По протесту прокурора определение было отменено. Тогда тот же суд вынес Барееву оправдательный приговор, который по протесту прокуратуры опять был отменен. Бареева после этого осудили на 7 лет лишения свободы [Там же, л. 27].

Судьи также имели немало претензий к представителям МВД. Сложившаяся система взаимоотношений мешала работе и делала сложными самые простые процедуры, вроде доставки подсудимых на судебное заседание. Например, народный суд Красноярского района из-за отсутствия взаимодействия с милицией по несколько месяцев откладывал дела. Так, дело по обвинению Истаусова поступило в народный суд 30.06.1947 г. Сам Истаусов находился со скотом в степи, милиция под различными предлогами не доставляла его в суд. Дело несколько раз откладывалось. Только в сентябре он был осужден на 8 лет лишения свободы. Мусагалиев обвинялся в краже овец. Дело 6 раз назначалось к слушанию и откладывалось из-за недоставки обвиняемого и неявки свидетелей [10, д. 96, л. 52].

Таким образом, деятельность судебных органов Нижнего Поволжья отражала тенденцию на ужесточение карательной политики государства, что было характерно для послевоенного периода. Поэтому главной задачей судов провозглашалась борьба с преступностью, а не обеспечение правосудия. Эта подмена функций воздействовала на судебную практику. В процессах по уголовным делам господствовал «обвинительный уклон». После издания Указов от 4 июня 1947 г. обычной стала практика осуждения на длительные сроки лишения свободы.

Кроме подразделений юстиции давление на суд оказывали партийные органы в регионе. Работу судов усложняли и конфликты с другими звеньями правоприменительной системы из-за «мягких» или оправдательных приговоров, выносимых судьями. Наиболее острый характер они носили с прокуратурой и милицией.

Список литературы

1. **Абрамовский А. П.** Челябинский областной суд. 70 лет. Люди, события, факты. Челябинск: Каменный пояс, 2004. 281 с.
2. **Вдовенков В. М.** Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края. Хабаровск: ХГАЭП, 2003. 80 с.
3. **Ведомости Верховного Совета СССР.** М., 1947. № 9.
4. **Власов В. И.** История судебной власти в России. М.: Компания Спутник+, 2004. Кн. 2 (1917-2003 гг.). 644 с.
5. **Государственный архив Астраханской области (ГААО).** Ф. Р-1702. Оп. 1.
6. **ГААО.** Ф. Р-2346. Оп. 1.
7. **ГААО.** Ф. Р-2658. Оп. 2.
8. **ГААО.** Ф. Р-2658. Оп. 3.
9. **Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО).** Ф. 325. Оп. 3.
10. **ГАСД АО.** Ф. 325. Оп. 5.
11. **ГАСД АО.** Ф. 325. Оп. 6.
12. **Золотых В. В.** История судов на Дону. Ростов-на-Дону: Донской изд. дом, 2004. 520 с.
13. **Кутафин О. Е. и др.** Судебная власть в России: история, документы. М.: Мысль, 2004. Т. 5. 829 с.
14. **Павлова Л. А.** Творить суд по закону и чистой совести...: из истории судебной власти на Среднем Урале, 1722-2004 гг. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 216 с.
15. **Смыкалин А. С.** Советская судебная система в годы Великой Отечественной войны // Российская юстиция. М.: Юридическая литература, 2002. № 9. С. 39-42.
16. **Смыкалин А. С.** Советская судебная система в послевоенные годы // Российская юстиция. М.: Юридическая литература, 2002. № 12. С. 39-42.
17. **Смыкалин А. С.** Советский суд в довоенное время // Российская юстиция. М.: Юридическая литература, 2002. № 2. С. 39-42.
18. **Цыпленков С. А.** Судебная система Орловской области: прошлое и настоящее. Орел: А. Воробьев, 2004. 159 с.

**JUDICIAL AUTHORITIES' INTERRELATIONS WITH OTHER PARTS OF THE POST-WAR USSR
LAW ENFORCEMENT SYSTEM (BY THE MATERIALS OF LOW VOLGA REGION)**

Sergei Al'bertovich Fedin, Ph. D. in History
*Department of General-Classical and Natural Science Disciplines
International Juridical Institute (Branch) in Astrakhan'
fedserg62@mail.ru*

The author reveals the basic problems of Low Volga region judicial authorities during the post-war period. First of all he tackles the contradictions in courts' interrelations with other parts of law enforcement system under the conditions of the soviet state penal policy toughening. The article contains the archival materials from the funds which were closed earlier.

Key words and phrases: penal policy; "mild" sentences; "liberalism" in relation to criminals.

УДК 130.2

В статье рассматривается проблема исторической идентичности европейского интеллектуализма в различных аспектах его становления как феномена западной духовной культуры.

Ключевые слова и фразы: интеллектуализм; историческая идентичность; самоопределение; историческое сознание; мировоззрение; культурная модель.

Денис Евгеньевич Фирсов, к. филос. н., доцент
*Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
den_firsov@rambler.ru*

**ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]**

Европейский интеллектуализм, возникший на стадии перехода от социокультурной парадигмы позднеантичной эпохи к европейской цивилизационной модели, развивался и самоидентифицировался как стержневой компонент западной культуры. Процесс его становления был связан с преодолением культурной